

А. Н. КОЧЕТКОВ

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ВОЕННАЯ МЫСЛЬ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII—НАЧАЛА XIX в.

В библиографиях важнейших военно-исторических работ по XVIII в., принадлежавших перу русских дворянских и буржуазных историков, почти нет упоминания о военной литературе на русском языке, не только оригинальной, но и переводной. Создавалось представление, что в XVIII—начале XIX в. в России не было никакой военной литературы, не было развития военной теории. Между тем только с 1750

³⁵ В. Сопиков. Опыт российской библиографии или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на словенском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 г., ч. 3. СПб., 1915, стр. 284—285.

³⁶ Д. Масловский. Строевая и полевая службы русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883, стр. 21.

по 1812 г. в России вышло более 150 названий книг, так или иначе относящихся к военной или военно-исторической тематике, из них лишь 30—40% были переводными¹.

Становление отечественной науки XVIII в. во многом связано с именем М. В. Ломоносова. В какой-то степени это можно отнести и к развитию русской военной науки. В ряде многочисленных научно-практических проблем энциклопедический ум Ломоносова был занят и вопросами военной науки. В письме П. И. Шувалову (1761 г.), где он делится своими творческими планами, Ломоносов называет тему: «О сохранении военного искусства во время долговременного мира»².

Причастность Ломоносова к военной науке можно проследить в связи с деятельностью крупного военного и государственного деятеля Шувалова. Назначенный на должность генерал-фельдцейхмейстера (начальника артиллерии и инженеров), Шувалов представил императрице Елизавете доклад о слиянии артиллерийской и инженерной школ в один кадетский корпус и об организации при нем «класса военной науки» — офицерского класса с двухгодичным сроком обучения, который должен был завершить военную подготовку офицера (своего рода военная академия). Шувалов внес в программу будущего кадетского корпуса элементы широкого научного образования. Кадеты должны были изучать: французский и немецкий языки, историю и географию, механику, гидравлику и аэрометрию, гражданскую архитектуру, математическую географию, химию, основы экспериментальной физики, натуральную (естественную) историю, арифметику, алгебру, геометрию, военную экзерцицию, ар-

¹ М. И. Драгомиров в 1875 г. опубликовал в «Русской старине» как находку сокращенный перевод с французской рукописи «Замечания о французской армии последнего времени с 1792 по 1808 г.» (без указания автора). Спустя некоторое время он нашел саму книгу и в 1881 г. издал полный перевод, вошедший потом в его «Сборник статей». Эта книга действительно очень интересна, но Драгомиров не знал, что одновременно с изданием этой книги на французском языке («Observations sur l'armée française des derniers temps à partir de 1792 jusqu'en 1808». СПб., 1808) она вышла в Петербурге же и в русском переводе («Примечания о французской армии последних времен с 1792 по 1807 год». Перевод с французского. СПб., 1808). Это было неизвестно и А. Ф. Петрушевскому («Генералиссимус князь Суворов», т. III. СПб., 1884, стр. 383).

² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VI. М.—Л., 1952, стр. 383.

тиллерию, фортификацию, фейерверочное искусство, рисование.

В классе военной науки офицеры должны были обучаться «науке военной — как всякий фронт устроить...; какие обращения или эволюции делать и к чему оные потребны; как маршировать и где какое прикрытие употреблять; каким образом с конвоями и detachmentами поступать; как лагерь становиться и его укреплять...; как внутри государства маршировать, на квартиры становиться и из них выступать; как во всех случаях полк содержать в порядке и строгости...; читать всех военных авторов и делать на них рефлексии; рассуждать о всех знатных баталиях и акциях и рассуждать те погрешности, от чего они потеряны и те случаи примечать, чем выиграны; рассуждать же о настоящих политических делах в Европе и о военных силах других держав»³. Такова обширная программа подготовки разносторонне образованного с широким политическим кругозором офицера. Обширная объяснительная записка, приложенная к программе, так же как и объяснительная записка Шувалова к проекту о создании высшей военной школы, своим содержанием дала основание историкам считать возможным непосредственное участие Ломоносова в их составлении⁴. В частности, проводимую в последнем документе мысль о назидательности изучения гражданских и военных подвигов героев древней Греции и Рима мы встречаем в сочинении Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке»⁵.

Воздействие Ломоносова на формирование мышления русского офицерства происходило и в более непосредственной форме. Например, учащиеся артиллерийской школы регулярно посещали лекции Ломоносова в Академии наук.

Вообще связь военной науки с наукой в широком смысле является характерной чертой в развитии русской военно-научной мысли в середине XVIII в. Одним из центров военной науки в тот период был Московский университет. С момента открытия Московского университета и гимназии при нем военные науки входили в учебный курс в качестве обязатель-

³ Н. П. Жерве и В. Н. Строев. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712—1912 гг., т. I. СПб., 1912, Приложение II, п. 12.

⁴ Там же, стр. 29—30 и Приложение II.

⁵ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., 1952, стр. 587.

ных дисциплин. Это объясняется в первую очередь состоянием самой науки, с характерной для науки периода феодализма слабо выраженной специализацией: военные науки еще не отделились от других наук. Артиллерия и фортификация рассматривались как составные части математики. Даже тактика по классификации наук, принятой уже в начале XIX в., зачислена в раздел прикладной математики наряду с астрономией и мореплаванием⁶.

Включение военных наук в университетскую программу диктовалось также «классическим» характером преподавания, так как военные науки занимали высокое и почетное место в классической древности. Наконец, имели место причины социального порядка. Приобщая дворян к высшему образованию, нужно было обеспечить переход дворянина с гражданского поприща в офицерский корпус. Поэтому в университете и гимназии не только читались лекции по фортификации, но и проводились военные экзерциции в летний период и делались смотры университетскому батальону. Студентам из дворян учение в университете засчитывалось в прохождение военной службы с выслугой чинов.

Военные науки изучались также в Виленском и Дерптском университетах.

В конце XVIII в. была предпринята попытка организовать первый военно-научный кружок в России. В декабре 1791 г. в Петербурге состоялось гарнизонное собрание офицеров. Задачи собрания совершенно ясно изложены в речи капитана артиллерии Евграфа Батурина при открытии собрания: «Задача и польза собрания — усовершенствование в науках воинских». Батурин призвал собравшихся следить за новинками, изобретениями, читать, делать опыты⁷. Важнейшей практической задачей общества оратор выдвинул составление курсов по некоторым дисциплинам (механика, гидравлика) взамен устаревших иностранных пособий, а пока призывал «обратить в свою пользу знания всех находящихся в обществе». Дальнейшая судьба этого гарнизонного собрания офицеров неизвестна.

⁶ В. С. Сопчиков. Опыт российской библиографии, ч. 1. СПб., 1813, стр. LXXIII.

⁷ [Е. Батурин]. Речь при открытии собраний офицеров инженерных и артиллерийских, бомбардирских, гребного флота, учрежденных для дальнейшего исследования теории, касающейся до их звания». СПб., 1792.

Другая попытка создания военно-научного общества была проведена в Москве и также по частной инициативе. Таким было «Общество математиков», организованное в 1810 г. по инициативе семьи Муравьевых. Общество ставило задачей распространение математических и военных знаний⁸. Лекции по военным наукам (высшая и низшая тактика, фортификация) читал Н. Н. Муравьев-отец, подполковник в отставке, высокообразованный в общем и военном отношении человек. В 1807 г. Муравьев составил упрощенный «Устав пехотной службы для земского ополчения Московской губернии».

«Общество математиков» явилось зародышем московского учебного заведения для колонновожатых, в течение ряда лет поставлявшего офицеров для Генерального штаба. Это частное учебное заведение характеризовалось высоким научным уровнем преподавания, своеобразной демократической внутренней организацией и повышенным интересом к общественно-политическим вопросам. Впоследствии в числе офицеров-декабристов было 22 бывших воспитанников Московской школы колонновожатых⁹.

Тяга передовых военных кругов к науке и знаниям нашла свое выражение в росте военной литературы, особенно в последней четверти XVIII в. Наряду с сочинениями по артиллерии и фортификации¹⁰ появляются работы по общим вопросам военной науки, вместе с переводами выходят оригинальные военно-исторические сочинения и публикации, первые работы об А. В. Суворове и его военном искусстве.

Вслед за опубликованием в 1766 г. «Книги Марсовой» Петра I и в 1770 г. «Журнала или Поденной записки

⁸ Попутно заметим, что в уставе общества механика и военное искусство названы самыми полезными предметами из прикладной математики.

⁹ Е. А. Прокофьев. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953, стр. 101.

¹⁰ М. В. Данилов. Начальные знания теории и практики в артиллерии с приобщением гидростатических правил с задачами. М., 1762; «Артиллерийские предложения для обучения благородного юношества Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса. Сочинение капитана того же корпуса Ивана Вельяшева-Вольницова. СПб., при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1767; А. Немой. Руководство к знанию о походных мостах, употребляемых при войсках, а особливо из парусинных понтонов. СПб., 1780 и др.

Петра Великого» В. Г. Рубан, писатель, переводчик и издатель, много работавший над материалами Петра I, опубликовал в 1773 г. походный журнал боярина Шеина¹¹ и в 1777 г. — «Устав ратных пушечных и других дел...» — интереснейший памятник военного искусства XVI—XVII вв.¹²

Только за один 1788 г. появился ряд крупных работ, посвященных государственной и полководческой деятельности Петра I (Прокоповича, Голикова, Крекшина, Туманского). В 1784 г. опубликовано «Сказание об осаде Троицко-Сергиева монастыря» Авраамия Палицына и в последующем — целый ряд описаний и документальных публикаций о войнах со шведами, турками, татарами и французами.

Сочинение Иринарха Завалишина «Сувороида»¹³ явилась первой попыткой дать образ Суворова как великого полководца. В 1798 г. майор Антонович написал небольшое сочинение «Опыт о генерал-фельдмаршале гр. Суворове-Рымникском», но оно не было разрешено цензурой¹⁴. В 1799—1801 гг. вышла в русском переводе подробная биография Суворова, написанная Антингом¹⁵, а в 1806 г. М. И. Антоновский положил начало публикации документов и материалов о Суворове, опубликовав суворовскую «Науку побеждать». К этому же времени (1803 г.) относится крупная биографическая работа С. И. Созоновича о Румянцеве¹⁶. Изданием «Хроники Российской императорской армии», составленной С. Н. Долгоруким в 1799 г., было положено начало изучению истории формирования войсковых частей русской армии.

Русская военная мысль затрагивала и такие вопросы, как происхождение и сущность войн и армии, определение воен-

ного искусства и его задач, военной науки, содержание и классификация военных наук, роль теории и практики в военном искусстве и т. п. В рамках настоящей статьи мы можем коснуться лишь немногих вопросов.

Автор одного из первых сочинений общего характера¹⁷, следуя за Вольтером, определяет войну, как бич божий, но бич неизбежный, а часто даже необходимый. Война и армия появились тогда, когда человечество разделилось на частные общества, давшие начало разным народам. Так как каждое такое общество заботилось только о своем сохранении и приращении, то с увеличением численности их возник спорный вопрос: твое и мое. Отсюда — состояние войны.

Не всегда существовала и армия. Каждый хозяин со своими сыновьями и рабами носил оружие для «всеобщего благоденствия» (Мейендорф считает, что рабство не мешает «всеобщему благоденствию»). Воинство состояло из семейств и ими управлялось. По окончании битвы все возвращались к домашним трудам.

Таким образом, автор не считает войну извечной, изначальной, а приурочивает ее появление к определенному этапу в развитии человеческого общества. Возникновение собственности, пишет он, есть причина начала военных столкновений. Армия существует для охраны собственности. Генерал должен заботиться о том, чтобы «первейший всех благ источник — земледелие, торговля и фабрики не утеснялись даже в неприятельской земле», и даже о том, чтобы развивать их, дабы обеспечить изобилие в своей армии. Отсюда — требование к командующему обладать широким государственным кругозором. Он будет только наполовину удовлетворять требованиям, «если понятия и знания его не будут относиться до политических правил»¹⁸.

Упомянутый выше Батурин также считает войну «пагубнейшим и смертоноснейшим» явлением, но причины ее ви-

¹¹ «Поход боярина и большого полку воеводы А. С. Шеина к Азову...». СПб., 1773.

¹² Интересные новые сведения об авторе этого «Устава» см.: «Военно-исторический журнал», 1964, № 7, стр. 125.

¹³ «Сувороида, поэма героическая». Творения Иринарха Завалишина, Фанагорийского гренадерского полку подполковника. Сочинена в Варшаве в 1795 г. СПб., 1796.

¹⁴ А. Ф. Петрушевский. Генералиссимус князь Суворов. т. II. СПб., 1884, стр. 407.

¹⁵ И. Ф. Антинг. Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Итальянского графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского, изданные Максимом Парпурио, ч. 1—3. Перевод с немецкого. СПб., 1799—1800.

¹⁶ С. И. Созонович. Жизнь, характер и военные деяния генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, ч. I—IV. М., 1803.

¹⁷ «Опыт некоторых рассуждений о воинстве вообще и особливо о устройении исправного полку в наставление молодым офицерам». Сочинение российского генерал-поручика рижского вице-губернатора барона Рейнгольда фон Мейендорфа, ч. I—II. Перевод с немецкого. СПб., 1777. Автор генерал-поручик Мейендорф 13 лет командовал Ладожским полком. Книга написана на немецком языке, так как предназначалась им главным образом для своих земляков, прибалтийских немцев, с целью облегчить им служебную карьеру.

¹⁸ «Опыт некоторых рассуждений о воинстве вообще...», ч. I, стр. XI.

дит в страстях человека: ненависти, зависти, жадности, властолюбия и т. д. Подходя с идеалистической точки зрения, Батуриин делает вывод, что войны могут быть справедливыми и несправедливыми. Но этот вопрос не должен смущать воина. За войну отвечает «перед вечными законами» государь, а не подданные¹⁹.

Капитан Н. Петряев во вводной главе «Понятие о войне» к переводной книге о фортификации, приводя высказывание Г. Гроция: «война есть вражда между владельцами и государствами», считает войну обычным и даже единственным средством к примирению, так как некому рассудить распри владетельных государей. Больше того, война, по мнению Петряева, выполняет положительную функцию в обществе, «ею сохраняется собственность и утверждается незыблемость государств»²⁰.

И. И. Дибич, не вдаваясь ни в теорию, ни в историю, заявляет, что армии существовали всегда. Задачи армии: «сохранение тишины», поддержание «власти и могущества законодателя» (т. е. монарха), защита добродетели, наказание пороков (!), обеспечение процветания художеств и промышленности²¹.

Наиболее воинствующую концепцию развивает профессор естественного и народного права Герасим Покровский²². Его «теория войны» — целый панегирик войне и военному сословию. Война всегда была и всегда будет. Война — двигатель истории, хотя и является бедствием. Рождение современной Европы и просвещения есть «благодетельный плод войны».

Все взгляды на происхождение и сущность войны при всем разнообразии сходятся в признании неизбежности войны

и важного значения войны и армии в жизни государства. Отсюда следует также единодушный вывод о важнейшем значении военного искусства. Но в определении его сущности, путей для овладения им, места военной науки в ряду других наук и других вопросов в русской военной литературе высказано много интересных и оригинальных мыслей. К числу таких вопросов принадлежит вопрос о роли и месте военной теории в военном искусстве.

Для военной мысли Западной Европы XVIII в., где тон задавала французская школа, было характерно увлечение военной теорией. Военной науке приписывались качества, отнюдь ей не свойственные. Фолард в своих комментариях к Полибию утверждал, что военная наука «не только лучше, честнее и важнее всех наук, но и все нравоучение в себе содержит»²³. Однако догматизм кабинетных теоретиков тянул назад военное искусство. Виднейшие представители французской школы (Фолард, Пюисегюр) считали, что появление огнестрельного оружия не внесло никаких изменений в военную науку; общие ее основы те же, что и в древности. Фолард, тщательно изучавший военное искусство древних, уверял, что он может дать готовый рецепт для выигрыша сражения в любых условиях.

Подполковник Г. П. Ржевский разделяет точку зрения Пюисегюра на исключительное значение знания классической древности: «В древних авторах заключается все, что война и политика имеет в себе превосходнейшего: и хотя образ войны по изобретению пороха переменился, но военная наука осталась та же беспеременно». Ржевский — не сторонник требовать от офицера обширных познаний (для чего «нужен целый век человеческого»), но он обрушивается на невежественных офицеров, видящих достоинство в буйстве, картежной игре и т. д., а также на тип офицера-службиста, отрицающего необходимость образования. «Несчастлив тот стократно офицер, кто на практике одной основывает главную науку и по числу только седых волос считает заслуги свои: мирное время есть время ученья, а война — действия»²⁴. Эти

¹⁹ [Е. Батуриин]. Речь при открытии собраний офицеров... стр. 6—7.

²⁰ «Сведения о полевой фортификации, необходимые для офицеров, предложенные г. Годи, приумноженные гр-ном Беллярмом. Переведенные и вновь дополненные капитаном Петряевым, экспедитором по ученой части в Департаменте водяных коммуникаций». СПб., 1802, стр. XVII.

²¹ [И. И. Дибич]. Мысли о солдате в различных по званию его отношениях, рассматриваемых в воинском и нравственном виде. Перевод с немецкого, ч. 1—2. СПб., 1802—1803. И. И. Дибич — отец фельдмаршала И. И. Дибича-Забалканского, прусский генерал, любимец Фридриха II, в 1798 г. был приглашен Павлом I на русскую службу. Им написано несколько сочинений на немецком языке.

²² [Г. Покровский]. Рассуждение о войне и свойствах воину нужных, читанное в день торжественного собрания в Ярославском Демидовском высших наук училище 29 апреля 1810 года. М., 6/г.

²³ «Полибиевой военной истории том первой с французского на российской язык переведен академии наук ассессором Сергеем Волчковым». СПб., 1756, стр. 2.

²⁴ Г. П. Ржевский. О частных должностях в полку. М., 1793, стр. 30. Он писал также стихи и басни: «Новые басни и разные стихотворения» (СПб., 1827).

слова Ржевского А. Ф. Бестужев взял эпиграфом к своей книге «Правила военного воспитания»²⁵.

И. Завалишин²⁶ в предисловии к переводу книги Феша «Военная наука» пишет, что без военной науки нельзя овладеть военным искусством: «Мастером ни в каком ремесле доньше еще никто не родился». В вопросе соотношения теории и практики Завалишин решительно на стороне примата практики: «Практика произвела теорию; следовательно, сия последняя и должна сопровождать нас к первой, . . . ибо здравый разум запрещает вступать в дремучий лес при темноте, когда можно иметь светильник. . .» Так же как и Ржевский, Завалишин указывает, что военная наука есть наука бесконечная: «Со всем тем ведающий несколько из ее правил лучше и вернее будет действовать того, который об оной не имеет надлежащего познания»²⁷.

Еще более ярко выраженный эмпиризм в вопросе значения военной теории развивает в своем сочинении «Краткое начертание главнейших правил военачальнической науки» Антон де Романо, подполковник Генерального штаба: «Наука сколько бы ни изучивала собой основание природы, но единая опытность с деятельностью оное приводит к изощрению и даже к совершенству»²⁸. Но де Романо не отрицает значения военной науки, особенно нужной для полководца, чтобы уметь предвидеть события. Не разделяя слепого преклонения перед всемогуществом военной теории, де Романо считает, что одной опытности и искусства полководца

недостаточно для победы. Нужны другие факторы, в первую очередь качество войск.

В противоположность эмпиризму Завалишина и де Романо Бестужев развивает идеи рационализма: «Простая и грубая практика всегда оставит в неведении различные возможные случаи». Были генералы, которые прославили себя, не выходя из кабинета²⁹. Однако и без практики обойтись нельзя. Совершенство в ремесле, искусстве и в некоторых науках, по его мнению, дается соединением теории с практикой. «Практика есть опыт, основанный на теории. Теория и практика подобны свету и веществу, оной содержащему. . . Они как душа и тело военного искусства»³⁰.

Ту же точку зрения отстаивает Н. Петряев. «Война есть искусство, подлежащее правилам и основаниям и, следовательно, имеющее свою теорию и практику»³¹. Сущность военного искусства, по мнению Петряева, заключается в познании способов употреблять войска в целях скорейшей победы. Для достижения этого мало одного разума, недостаточно экзерциции и дисциплины войск. Одна практика без теории дает ограниченные познания. «Наука же военного искусства (!) заменяет всегда численность войск и превышает выгоды местоположения».

Последняя мысль не только вытекала из теоретических предпосылок, но и находила подтверждение в боевой практике русской армии в конце XVIII в. Победы Румянцева и Суворова опрокидывали принятые как нормы понятия о значении численности войск и силе позиций. «В нынешнее время Суворов, удивление веков, останется всегдашним примером подражания; Вахт-парад его — школой для офицеров, а походы — образцом для всякого генерала»³². Это первое, засвидетельствованное в печати утверждение полководческого гения Суворова и признание его «Науки побеждать» как школы обучения и воспитания войск.

Исключительно вопросам общей теории посвящено небольшое сочинение Я. И. де Санглена «О пользе теории военного

²⁹ Имеются в виду Ян Жижка и Паган, которые были слепыми и могли якобы руководить только теоретически.

³⁰ А. Ф. Бестужев. Правила военного воспитания. . . , стр. 37.

³¹ «Сведения о полевой фортификации, необходимые для офицеров, предложенные г. Годи, приумноженные гр-ном Белляром. . .», перевод Н. Петряева, стр. XVI.

³² Там же, стр. XXXIX.

²⁵ А. Ф. Бестужев. Правила военного воспитания относительно благородного юношества и наставления для офицеров, военной службе себя посвятивших. СПб., 1807. Александр Федосеевич Бестужев, бывший корпусный офицер артиллерийско-инженерного корпуса, занимает видное место в военной литературе, в частности в военной педагогике. В 1798 г., уже будучи в отставке, он совместно с Пинным издавал и редактировал «Санкт-Петербургский журнал», в котором печаталось его сочинение «О воспитании военном относительно благородного юношества», изданное впоследствии отдельной книгой. А. Ф. Бестужев — отец четырех сыновей-декабристов.

²⁶ Иринарх Иванович Завалишин — бывший воспитатель Сухопутного кадетского корпуса в 1792—1795 гг. — служил в Фанагорийском полку, участвовал в кампании 1794 г. в войсках Суворова, занимался литературной деятельностью. Он — отец двух сыновей-декабристов.

²⁷ «Военная наука, состоящая в правилах и наставлениях знаменитейших воинских сочинителей, собранных саксонской службы полковником Фешем», перевод г.-м. Завалишина. СПб., 1799, стр. III.

²⁸ Антон де Романо. Краткое начертание главнейших правил военачальнической науки. СПб., 1802, стр. 26.

искусства» (в качестве приложения к его сочинению «О воинском искусстве древних и новых времен». СПб., 1808). Де Санглен считает, что война была у всех народов, но воинское искусство возможно только в государствах просвещенных. Без воинского искусства не может существовать независимое государство. Если бы Пётр I не ввел в России военного искусства, руководствуясь своим гением, он был бы вынужден к этому войной против шведов.

В вопросе о роли и месте теории де Санглен почти повторяет Бестужева. Полководцы обязаны своими победами не слепому случаю, а искусству и науке (пример — Румянцев). Де Санглен развивает мысль, что победа начинает готовиться до войны, в тиши кабинетов, где вырабатываются планы и соображения. Суворов был обязан победами своему гению, но Суворовых мало.

Де Санглен делает попытку определить различие между военной наукой и военным искусством. «Первая состоит в познании тех предметов, которые относятся к войне; научает правилам, законам войны. Такое познание приобретает наукой, размышлением. Искусство состоит в том, чтобы действовать по правилам, почерпнутым в теории, оно приобретает частыми эскерциями, практикой, соединенной с размышлением»³³.

Из наиболее общих вопросов, занимавших военную мысль рассматриваемого периода, остановимся на национальном элементе в военном искусстве. Почти все военные писатели придают ему большое значение, считая, что способ ведения войны должен соответствовать национальным свойствам народа. Петряев считает невежественным предрассудком мнение, что солдат способен ко всему: «Рожденный на коне нумидиец не будет хорошим пехотинцем»³⁴.

Де Романо подробно рассматривает национальный характер военного искусства. Он пишет, что все народы имеют свои особенности в способах и приемах ведения войны. Учет национальных особенностей должен оказывать влияние на состав и организацию армии: в каждом конкретном случае усиливать тот род войск, которого больше боится неприятель. Например, в итальянской кампании 1799 г. французы боя-

лись казаков, «а некоторые державы (подразумеваются австрийцы. — А. К.) — французских уланов»³⁵.

Де Санглен также останавливается на национальном характере военного искусства, хотя формулирует мысли недостаточно ясно. Военное искусство в своем существе одно и то же в России, Германии, Франции, Англии и т. д., но его применение может быть различно. Превосходство той или иной державы в какой-либо части военного искусства не может быть долговременным; оно скоро делается общим достоянием.

Исключительное место национальному элементу в его морально-политическом значении отводит Г. Покровский. Он считает, что армия только тогда способна на подвиги, когда она национальна. Рим был силен тогда, когда войнами были римские граждане, и пал, когда они смешались с варварами. Ганнибал был побежден, потому что командовал не природными карфагенянами, а наемниками. «Патриотами, истинными героями и защитниками отечества может быть только тот, кто родился и воспитался в его недрах»³⁶.

Важное значение придавалось военной истории. Рассматривая ход истории с позиций исторического идеализма, современные писатели указывали, что великие люди, герои с их поступками должны являться главным объектом изучения истории. Однако Бестужев видит определенные закономерности в ходе исторических событий, связывающие их в единый исторический процесс, и чувствует их внутреннюю связь и взаимозависимость, хотя вскрыть сущность этих связей не может. «История есть не что иное, как цепь предшедших происшествий в разных периодах разные государства заключающая...» «Премены одного века влекут за собой премены другого, непосредственно оба связующие». Отсюда Бестужев делает выводы о необходимости изучения истории в порядке хронологии и выдвигает задачу периодизации истории: «Порядок требует, чтобы составлять себе тотчас идею о науке времен, дабы с разбором означить можно связь великих происшествий и их взаимное между собой уподобление; потом должно разделять их на разные периоды, отнести к какой-нибудь общей эпохе, которая бы послужить могла для составления исправного непрерывающегося по-

³³ [Я. И. де Санглен]. О воинском искусстве древних и новых времен... СПб., 1808, стр. 56.

³⁴ «Сведения о полевой фортификации...», стр. XXXIX.

³⁵ Антон де Романо. Указ. соч., стр. 119—120.

³⁶ «Рассуждение о войне и свойствах, войну нужных...», стр. 15.

рядка необходимым вспоможением»³⁷. Это интересно отметить в связи с тем, что далее Бестужев ставит перед будущими офицерами задачу изучения истории военного искусства³⁸.

Передовые русские военные деятели явились также зачинателями и военной периодической печати. До появления чисто военных журналов гражданская печать уделяла немалое место военным вопросам. Самый ранний сохранившийся номер петровских «Ведомостей» от 2 января 1703 г. содержит сообщения исключительно о военных делах — производстве в Москве артиллерийского вооружения. Одно из названий, под которыми выходили петровские «Ведомости», было: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах».

Первый литературный журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» помещал на своих страницах статьи (преимущественно переводные) по военным вопросам. Так, в 1756 г. были опубликованы «Прибавление к должности командующего», «Отеческое наставление к сыну, желающему определиться в военную службу», «О несправедливых мнениях, до военного чина касающихся», «Рассуждение о содержании доброго воинского порядка и о военных эскерцициях» и др. Большинство статей направлено против укоренившихся в военной среде недостатков воспитания и культуры и содержит призыв к науке и образованию.

Не обошла военных тем и передовая русская сатирическая журналистика XVIII в. Журнал Н. И. Новикова «Трутенъ» обрушивается на дворянскую спесь, жестокое обращение с солдатами и другие пороки, бытовавшие в армии³⁹.

Первым чисто военным журналом был «Артиллерийский журнал», издаваемый Временным артиллерийским комитетом в 1808—1811 гг. Это был чисто официальный журнал: статьи и сухие официальные материалы не способствовали его популярности. «Артиллерийский журнал» не стал органом общественной военной мысли, каким был «Военный журнал».

³⁷ А. Ф. Бестужев. Правила военного воспитания... стр. 67.

³⁸ Поэтому неправ буржуазный военный историк А. К. Банов, указавший, что термин «история военного искусства» у нас впервые появился вместе с образованием Военной академии в 1832 г. (А. Банов. История военного искусства как наука. СПб., 1912, стр. 3).

³⁹ «Трутенъ», л. XXIII, 1769, сентября 29 дня.

Ранее пытались создать военно-теоретический журнал. Де Санглен в 1809 г. начал издавать «Исторические и тактические отрывки» с целью, как он заявил в программной статье, дать возможность военным людям подкреплять теорию военного искусства практикой, примерами из истории, познакомить их «с теоретической и практической частью военного искусства»⁴⁰. Во втором номере издатель, ободренный успехом первого выпуска, объявил подписку на год, обязуясь давать 12 выпусков, что означает периодическое издание ежемесячного журнала. Всего вышло 7 выпусков. Издание не оправдало полностью взятых обязательств. Исторические статьи освещали преимущественно западный и античный опыт. Отечественная военная история была представлена небольшим очерком о происходившей в то время войне с Турцией и Персией и более значительным отрывком из непечатанного сочинения А. А. Писарева «История императорской Российской гвардии».

В области тактики журнал откликнулся статьей на дискуссионный тогда вопрос о применении конной артиллерии, а в стратегии — отрывком из сочинения Жомини. Все остальное осталось в стадии предположений и начинаний, как, например, военно-статистическое и географическое описание Швеции, которым, видимо, было предположено открыть серию статей-описаний пограничных государств. На седьмом выпуске де Санглен прекратил издание «Отрывков», будучи обижен тем, что его не пригласили участвовать в издании «Военного журнала»⁴¹.

«Военный журнал» сыграл важную роль в формировании русской военной мысли. Он издавался в 1810—1811 гг. П. А. Рахмановым — ученым математиком и военным писателем, автором многочисленных трудов по математике, членом ряда ученых обществ и учреждений. В 1807 г. он поступил на службу в Квартирмейстерскую часть (Генеральный штаб), в 1810 г. вышел в отставку и начал издавать на свои сред-

⁴⁰ «Исторические и тактические отрывки, издаваемые находящимся при военном министре Яковом де Санглениом», № II. СПб., 1809. [Приложение] «К публике», стр. 1. Я. И. де Санглен состоял тогда при Военном министерстве; впоследствии перешел в Министерство полиции и возглавил тайную полицию, в 1816 г. вышел в отставку, а при Николае I сам попал под надзор полиции как либерал (А. И. Герцен. Былое и думы, ч. 1. М., 1958, стр. 72).

⁴¹ Я. И. де Санглен. Записки. — «Русская старина», 1883, т. 37, кн. I—III.

ства «Военный журнал». Журнал имел большой успех. Начиная с XIII книги, финансирование журнала перешло к Ученному комитету, но Рахманов продолжал оставаться редактором.

Программой журнала намечалось помещение статей по военному искусству, основаниям военной полевой науки (тактики), описаний славнейших сражений и осад, известий о современных военных происшествиях, военных описаний соседних земель, статей по топографии, фортификации, точным наукам.

Журнал не обманул читателя. В 24 книгах, вышедших за два года существования журнала под руководством Рахманова, был помещен ряд статей и материалов по важнейшим проблемам военной теории и военной истории. Несмотря на то, что в журнале можно встретить противоположные точки зрения по некоторым вопросам и официозные статьи (из кругов Генерального штаба), «Военный журнал» имел определенное лицо органа передовой русской военной мысли начала XIX в.

Главной заслугой журнала является пропаганда русского военного искусства, главным образом Румянцева и Суворова. В журнале помещались суворовские документы, письма, приказы; печатался походный журнал гр. Е. Ф. Комаровского (адъютанта вел. кн. Константина Павловича) — один из важнейших источников по Итальянскому походу Суворова 1799 г. Журнал выступал против фальсификации и клеветы на Суворова и Румянцева в иностранной военной литературе. В ряде статей давался анализ стратегии Суворова и Румянцева. Журнал критиковал тогдашних «светил» военной теории (Темпельгофа, Ллойда, Бюлова) и всю прусскую трактовку стратегии в Семилетней войне.

В ряде статей и читательских откликов резко, хотя иногда в завуалированной форме, критиковались крепостнические порядки, жестокости и муштра, насаждаемые Аракчеевым с одобрения склонного к фронтomanии «либерального» Александра I. Журнал ратовал за национальный характер воспитания солдата, сохранение национальных исторических традиций, пропагандировал русскую военную книгу.

Трудно охватить весь круг важных и злободневных вопросов, поднятых на страницах «Военного журнала»: егерская служба и распространение рассыпного строя на всю пехоту, коренные изменения в конструкции артиллерийских

орудий и проблема создания единого типа орудия; повышение требований к стрелковой подготовке; проекты изменений в рекрутской системе с целью накопления обученных резервов и т. д. В целом «Военный журнал» 1810—1811 гг. был бесспорно органом передовой военной мысли, немало сделавшим для расширения общего и военного кругозора русского офицества накануне исторических событий 1812 г. Надвигавшаяся военная гроза прервала издание журнала. Рахманов вновь вступил в армию, принимал участие в войне и был убит под Лейпцигом в 1813 г.